

**В СЕРИИ
«ПРЕДАНЬЯ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

**ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ
БЫЛИНЫ СЕГО ВРЕМЕНИ
КОНЕЦ СКАЗКИ**

Александр Рудазов

**ПРЕДАНЬЯ
СТАРИНЫ
ГЛУБОКОЙ**

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
Р83

Преданья

Рудазов А.

Р83 Преданья старины глубокой / А. Рудазов — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 664 с. —
(Преданья).

ISBN 978-5-521-74106-9

Давно это было. Столько лет прошло, что уже и не упомянуть. Великие битвы отгремели и утихли, великие герои отвоювали свое и ушли в землю, великие события завершились и забылись. Старое время ушло и больше не вернется. Лишь отголоски былого прошли сквозь века, воплотившись в песнях и сказках, оставивших неизгладимый след в людской памяти.

Эта история — о добре и зле, о любви и ненависти, о благородстве и коварстве, о простодушии и лукавстве, о героизме и предательстве. Эта история — о тех временах, когда на Руси все еще вершили свои подвиги богатыри, когда по глухим чащобам все еще бродили лешие, когда старые боги все еще изредка напоминали о своем существовании, когда все еще творилось древнее колдовство, а к восходу от Святой Руси все еще существовало Кашеево Царство.

Эта история — о закате эпохи сказок.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74106-9

© Александр Рудазов, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!

Александр Сергеевич Пушкин

ГЛАВА 1

19 вересня 6714 года от Рождения Адама.

Велика Русь и обильна. Десятки княжеств, и в каждом правит Рюрикович. Владимир, Новгород, Суздаль, Рязань, Киев, Тверь, Волынь, Переяславль, Чернигов, Смоленск... Устанешь перечислять их все, да так и не перечислишь.

Но все же есть и границы у земель русских. Степи кочевые на полудне, города латинянские на закате, леса корельские на полуночи... и царство мрака на восходе. Тиборское княжество — самое крайнее. Восходнее него нет добрых земель, есть только Тьма и Кривда.

И, конечно, их порождения.

Костяной Дворец продувается всеми ветрами. Холод и мрак, туман и слякоть, да вечные тучи, затмевающие ясное небо. Угрюмые леса подступают с полуночи, болота непролазные с полудня, скалы Каменного Пояса с восхода. Дикие земли, вдали от власти русских князей и половецких ханов. В этих краях только одна власть — власть Костяного Дворца и его хозяина.

Кашея Бессмертного.

— Хек. Хек. Хек.

Эти сухие холодные звуки прозвучали так, будто кто-то откашлялся. Кто-то, у кого сильно першит в горле. Но на са-

мом деле то был смех. Равнодушный бесстрастный смех, без единой живинки, без души и чувства. Смех высохшего скелета... однако ж издавало его живое существо.

Ну, по крайней мере, отчасти живое.

Игорь Берендеич в ужасе смотрел на чудовище, которое так неосторожно поклялся прикончить. За руки его держали молчаливые стражи в глухих латах, веющих могильным холодом. Молодой князь даже не был уверен, что это люди.

Но сколь ни страшны слуги Кашеевы, сам он страшнее стократ.

Сухопарый костлявый старик, восседающий на железном троне, напоминал змею. Холодные равнодушные глаза, хищный нос коршуна, впалые щеки, неподвижные черты, мертвенно-сизая кожа, испещренная струпьями, похожая на ветхий пергамент. Он почти не шевелился — за последние десять минут на лице не вздрогнул ни единый мускул, не опускались веки, не дрожали губы.

Маска. Высохшая кожаная маска, туго натянутая на костяной череп, вот чем казалось лицо Кашея. С затылка и висков свисают пряди седых волос, но большая часть макушки — голая плешь. Усы и брови белоснежные, длинная борода свисает чуть не до пояса. Каждый волосок паутинной тонкости — невесомый, почти прозрачный...

Не человек на троне сидит — кошмар ночной.

Одеяние Кашея напомнило князю Игорю свое собственное, княжеское. Риза почти такого же покроя, такое же парчовое корзно, те же кожаные остроносые черевички. Вся одежда — черным-черна, словно вороньи перья, лишь сверху да снизу малость вызолочена.

Только шапка не похожа на княжескую, что в форме полушара. Да и вообще не шапка — плешистую макушку Кашея плотно обвивает легкая корона из чистого железа. Зубцов ровнехонько дюжина, все острые, будто иглы. Кажется, что волосы растут именно из нее — выше этого железного обру-

ча не взбирается ни единая волосинка. Никаких украшений ни в одежде, ни на короне — лишь обычное сукно и металл.

До такой степени тощ чудовищный старец, восседающий на железном троне, что без содрогания и глядеть нельзя. Кажется, дунь посильней — улетит, ударь разок — все кости старикашке переломаешь. Какая угроза может исходить от этого длиннобородого скелета? Он же едва с места сдвинется — тотчас от натуги помрет.

Однако первое впечатление часто бывает ошибочным.

— Как твое имя, русич? — бесстрастно спросил Кашей.

Игорь шумно выдохнул, собрал всю оставшуюся храбрость и смачно харкнул на каменный пол. Кашей молча проводил жирный шматок слюны одними глазами — голова даже не шевельнулась.

— Я имя свое, родителями даденное, и человеку-то не всякому скажу, а уж нелюди поганой и подавно не дожждаться! — гордо провозгласил Игорь.

— Забавно, — по-прежнему без единого чувства в голосе сказал Кашей. — Как же мне тогда к тебе обращаться?

Игорь молча набычился, исподлобья глядя на железный трон.

— Ты полностью в моей власти, русич. Мне достаточно произнести одно слово, и эти дивии просто оторвут тебе руки. Прояви же учтивость перед лицом царя, назови свое имя.

— Ты не царь!!! — бешено взревел Игорь. — Ты нелюдь поганая, чародей черный, засевший в лесах дремучих и чинящий непотребие над человеком православным! Никто тебя не короновал, ни над кем ты не царь!

— К чему такой высокий стиль? — равнодушно поинтересовался Кашей. — Я короновал себя сам, перед самим собой. Мне этого вполне достаточно. Всякий, кому это не по нраву, волен сбить с меня корону и вволю изведать царского гнева. Не испытывай же мое терпение, русич, представься. Я желаю знать имя человека, потревожившего мой покой.

Но Игорь по-прежнему молчал. Да и что тут удивительного? Надо быть полным дураком, чтобы сказать свое имя первому встречному.

Тем более такому, как этот.

— Забавно, — вновь прокомментировал его молчание Кашей. — Я вижу, ты положительно не хочешь назвать свое имя. Что ж, Игорь Берендеич, дело твое, неволить не стану.

Игорь вздрогнул, как от удара.

— Разумеется, я с самого начала знал, кто ко мне пожаловал, — пожал плечами жуткий старик. — Ты не к знахарке деревенской явился, князь, а к Кашею Бессмертному. Верно, слышал, что я делаю с теми, кто приходит без приглашения. Но все равно пришел. Для чего?

— Сразиться с тобой в бою честном, нелюдь! — прорычал князь.

— Честном, говоришь? — чуть шевельнул головой Кашей. — А что ты понимаешь под честным боем, князь? Взгляни на меня — я стар и немощен. Взгляни на себя — ты молод и силен. Правда, при мне слуги верные — пожелаю, и не будет тебе никакого честного боя, будет лишь голова княжеская на колу. Хек. Хек. Хек. Что на это скажешь?

Игорь понурился. Не так он представлял себе все это, совсем не так. В мечтах ему виделось триумфальное шествие по Костяному Дворцу. Челядь кашеева разлетится, как сухие ветки, а потом будет героическая битва один на один.

Конечно же, быстрая победа. Может быть, легкое ранение — чтобы потом остался героический шрам, напоминающий о великом подвиге. Злодей повержен, прекрасная Василиса спасена, их уста сливаются воедино на фоне рушащегося дворца...

С чего вдруг дворец Кашея должен обрушиться, Игорь особо не задумывался — просто именно так ему это представлялось.

И на тебе! Челядь вовсе не поспешила убрать с дороги — наоборот, безмолвно скрестила бердыши перед его но-